

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Художественный перевод как вид переводческой деятельности предполагает осуществление полноценной межъязыковой эстетической коммуникации путем интерпретации исходного текста, реализуемой в новом тексте на другом языке. В этом целеполагании ключевым инструментом является интерпретация (истолкование) текста, в которой реализуется понимание сообщения переводчиком, а затем осуществляется его актуализация (воспроизведение и перевыражение оригинала) в новой языковой форме. Границы перевода обусловлены принципиальной открытостью интерпретации, которая согласно теории герменевтики никогда не может быть завершена, поскольку понимание текста неотделимо от самопонимания интерпретатора [3, с. 96].

В лингвистике и психологии принято выделять две фазы перевода: восприятие (дешифровка, декодирование) текста и его воссоздание (воспроизведение, перекодирование) средствами другого языка, при этом особое внимание уделяется второй фазе процесса перевода, поскольку считается, что именно она обуславливает его конечный результат.

Философская концепция понимания, делавшая упор на лингвистическую («грамматическую») сторону истолкования текста и предложенная Ф. Шлейермахером, исходила из того, что для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей уже необходимо иметь представление о смысле целого (слово – часть относительно предложения, предложение – часть относительно текста, текст – часть относительно творческого наследия данного автора и т. д.). Позднее эта особенность процесса понимания получила название герменевтического круга, который подразумевает взаимообусловленность объяснения и интерпретации, с одной стороны, и понимания – с другой; для того, чтобы нечто понять, его необходимо объяснить, и наоборот. Таким образом, понимание и объяснение не противопоставлены друг другу, а взаимозависимы. Именно этим и объясняется стремление переводчиков (иногда неосознанное) к осознанию, логизации текста, восстановлению синтаксических связей и т. п. Объяснение оригинала в процессе его интерпретации меняет модальность текста, ибо отношение к предмету понимания обусловлено индивидуальным опытом переводчика и задано традицией, имеющей,

как известно, языковую природу. Таким образом, понимание реализуется через истолкование, интерпретацию [3, с. 97-98].

М.М. Бахтин указывает на очень важное отличие понимания и объяснения и считает, что понимание реципиентом произведения означает проникновение в сознание автора и его внутренний мир, в результате чего появляется уже не одно, а два сознания; не один, а два мира. Таким образом, понимание всегда диалогично [1].

Кроме того, само понимание текста предполагает две возможности: теоретически возможно понять произведение так, как понимал его автор; путь к такому пониманию лежит через глубокое научное изучение, через попытку вжиться в чужую культуру, проникнуться духом эпохи, отказавшись от своей индивидуальности, перевоплотиться в автора. Именно такое перевоплощение и вживание, по мнению большинства переводчиков-практиков и теоретиков, обеспечивает успешное решение переводческой задачи; но подобное представление – это не более чем самообман: во-первых, потому что автор понимает далеко не все в созданном им тексте, поскольку процесс художественного творчества очень часто протекает неосознанно. Во-вторых, перевод – это, прежде всего, творчество конкретной личности, а ее творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры. Важным для понимания текста является возможность понимающего находиться вне времени, пространства и культуры по отношению к объекту творческого понимания.

Переводчик, выступая в роли посредника между двумя культурными традициями, воплощенными в личностях автора и читателя, понимает, истолковывает и оценивает оригинал не так, как автор, современник или соотечественник автора. Таким же образом и истолкование любым читателем созданного переводчиком текста на другом языке неизбежно отличается от авторского или переводческого.

Понимание художественного текста как вообще текста культуры, представляющего собой, по мнению Ю. Лотмана, «наиболее абстрактную модель действительности с позиций данной культуры», зависит от широты знаний читателя, его опыта, характера. Однако не меньшее значение для понимания художественного текста приобретает то, что А.Р. Лурия называл «глубиной прочтения» текста [3, с. 100].

А.Р. Лурия в своей работе «Язык и сознание» выражает следующую точку зрения: «Художественное произведение допускает различные степени глубины прочтения; можно прочитать художественное произведение поверхностно, выделяя из него лишь слова, фразы или повествование об определенном внешнем событии, а можно выделить скрытый подтекст и понять, какой внутренний смысл таится за

излагаемыми событиями; наконец, можно прочесть художественное произведение с еще более глубоким анализом, выделяя за текстом не только его подтекст или общий смысл, но анализируя те мотивы, которые стояли за действием того или другого лица, фигурирующего в пьесе или художественном тексте, или даже мотивы, побудившие автора писать данное произведение» [2, с. 245]. Он считает, что к такому пониманию текста (прочтению) и следует стремиться переводчику. Ученый также придерживается точки зрения, что глубина прочтения текста вовсе не зависит от широты знаний или степени образования человека, она вовсе не обязательно коррелирует с логическим анализом поверхностной системы значений, а больше зависит от эмоциональной тонкости человека, чем от его формального интеллекта. В результате он приходит к выводу, что способность оценивать внутренний подтекст представляет собой совершенно «особую сторону психической деятельности, которая может совершенно не коррелировать со способностью к логическому мышлению. Эти обе системы – система логических операций при познавательной деятельности и система оценки эмоционального значения или глубокого смысла текста – являются совсем различными психологическими системами» [2, с. 246-247].

Итак, способность переводчика к прочтению, интерпретации художественного текста, пониманию глубинной его структуры (смысла) зависит, прежде всего, от особенностей его мышления, складывающихся, в свою очередь, под влиянием форм общественной жизни и психологического склада его личности, или того, что в 1990 г. американские психологи П. Сэловей и Дж. Мейер назвали термином «эмоциональный интеллект». По мнению американских психологов, эмоциональный интеллект – основополагающий талант, триумф логического мышления над импульсивным, а его основа – самосознание, т. е. умение правильно понимать и оценивать свои эмоции и эмоции другого [3, с. 101-102]. Очевидно, эмоциональный интеллект лежит в основе любой творческой деятельности, носящей коммуникативный характер, и именно от уровня эмоционального интеллекта переводчика будет зависеть характер интерпретации текста оригинала.

Литература

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979 – 290 с.
2. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

3. Новрузов, Р.М. Художественный перевод и проблема взаимодействия, взаимообогащения литератур / Р.М. Новрузов. – Баку: Элм, 1990. – 342 с.